

УДК 81'42 (082)

Приказчикова Е.В.

Московский государственный областной университет

ПЕРЕВОД: ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ И ОБОСНОВАННОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

E. Prikazchikova

Moscow State Regional University

TRANSLATION: APPROACHES TO THE CONCEPT INTERPRETATION AND GROUNDS FOR EXISTENCE OF TRANSLATION MULTIPLICITY CONCEPT

Аннотация. Автор статьи ставит своей целью раскрыть сущность перевода с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода, наиболее перспективного направления нелингвистики. Рассмотрены изменения, произошедшие в переводоведении на рубеже XX-XXI вв., а именно смена научных парадигм, смещение центра научного интереса с коммуникативно-прагматических аспектов лингвистики к дискурсивно-лингвистическим аспектам. Доказано, что общие изменения привели к изменению статуса текста, усилению роли переводчика в осуществлении межкультурной коммуникации и передаче основных концептуальных понятий, характеризующих стиль автора оригинала. В статье также даются научные обоснования новой для переводоведения категории переводной множественности.

Ключевые слова: научная парадигма, перевод, лингвокультурологическое направление, семантический статус оригинала, метафора, идиостиль автора.

Abstract. The article considers the notion of the concept "translation" through the cognitive approach, one of the most perspective trends in modern linguistics. The author gives a detailed account of the changes in translation techniques at the turn of XX-XXI centuries, i. e.: the change of scientific paradigms, the shift of scientific interests from studying pragmatic linguistic problems to discourse and cognitive aspects. It is proved that the changes mentioned promoted the status of the text and enhanced translators' role in intercultural communication and in transferring the author's most characteristic concepts into other language. The article also presents scientific grounds for a new concept "translation multiplicity", a key notion for the new approach to translation.

Key words: scientific paradigm, translation, linguistic and cultural approach, semantic status of the original text, metaphor, author's individual style.

Сегодня можно сказать, что бурное развитие науки о переводе, которая «исследует особый вид речевой деятельности» [12, с. 117], привело к тому, что к началу XXI в. она стала самостоятельной отраслью научного знания. На сегодняшний день история развития теории перевода всесторонне изучена, объект и предмет этой науки, а также основные цели и задачи переводоведения определены, основные методы и категории теории перевода тоже описаны достаточно чётко, однако остаются ещё некоторые вопросы, требующие системного рассмотрения.

Ввиду того что «произошёл предсказанный Фердинандом де Соссюром перенос центра тяжести с изучения системы языка на исследование речи» [9, с. 5], в современном переводоведении преимущественное развитие получил когнитивно-дискурсивный подход. Несмотря на то, что в настоящее время он ещё только приобретает свои очертания, уже сейчас очевидно, что такие разрабатываемые в рамках этого подхода категории, как «когниция», «концепт», «дискурс», «языковая личность», вызывают пристальный интерес научного сообщества. С их исследованием связаны перспективы развития современной лингвистики, так как разработка

данных категорий поможет получить ответ на вопросы о том, «как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств» [9, с. 5]. Изменение статуса перевода как объекта исследования, произошедшее на рубеже XX и XXI вв., вызвано сменой научных парадигм и смещением центра научного интереса с коммуникативно-прагматических аспектов лингвистики к дискурсивно-лингвистическим аспектам.

Именно поэтому лингвокультурологическое направление переживает сейчас расцвет. Лингвокультурология на данный момент представляет собой науку, которая, по определению В.И. Карасика, является комплексной областью научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры. Она является средством «концентрированного осмысления коллективного опыта, который закодирован во всём богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов, формульных этикетных ситуаций и т. д.» [9, с. 87].

В связи с этим среди многообразия научных парадигм рассмотрим два подхода к пониманию и интерпретации понятия «перевод»: лингвистический и философско-культурологический. Несмотря на то, что до настоящего момента эти два подхода противоборствовали и существовали изолированно друг от друга, невозможно отрицать их сближение, происходящее сейчас в рамках перехода к антропологической лингвистике, изучающей язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, различными видами деятельности. Традиционная (классическая) теория перевода ставит своей целью дать математически строгое описание и объяснение перевода и считает основным методом исследования сравнительно-сопоставительный анализ единиц тех языков, которые задействованы в той или иной ситуации перевода. Именно такое лингвистическое представление нашло отражение в *теории закономерных соответствий* Я.И. Рецкера [13] и *теории уровней эквивалентности* В.Н. Комиссарова [10].

Если говорить о статусе текста в переводе, то с традиционной точки зрения на перевод как на репродуктивную текстовую деятельность текст перевода является неким «двойником» оригинала и носит вторичный характер. Исходя из этого, задачей переводчика становится максимально точное воспроизведение текста средствами другого языка. Однако современный философско-культурологический подход диктует переводчику иные задачи, а именно: поиск различий между оригиналом и переводом с целью оценить качество перевода заменяется поиском причин, вызвавших эти различия, переводчик становится «творцом», осуществляющим сложный вид психолингвистической деятельности в условиях двуязычной коммуникации. Изменение задач ведёт и к изменению статуса текста – он становится более значимым.

С уважением относясь ко всем существующим определениям перевода, считаем необходимым рассматривать *перевод* в свете определения, данного Л.Л. Нелюбиным в *Толковом переводоведческом словаре*. Им перевод рассматривается как «вид языкового посредничества, общественное предназначение которого заключается в том, чтобы в максимально возможной мере приблизить опосредованную двуязычную коммуникацию по полноте, эффективности и естественности общения к обычной одноязычной коммуникации» [12, с. 140].

В связи с тем, что на рубеже XX–XXI вв. перевод начинает рассматриваться как акт межъязыковой коммуникации, а также как способ межъязыкового посредничества и форма межкультурного взаимодействия, перед переводчиками встаёт задача переосмыслить ряд категорий, делающих перевод именно межъязыковым и межкультурным посредником. Одной из наиболее актуальных на сегодняшний день проблем является эквивалентность и адекватность перевода. Проблема эта актуальна в свете самой специфики художественного перевода, так как освоение одного и того же произведения в разных культурах имеет свою специфику, свои отличия, свою историю. Прежде всего,

это обусловлено своеобразием восприятия оригинала переводчиком, различиями в языковых системах, несхожестью социокультурного окружения.

По мнению Л.С. Бархударова, между понятиями *эквивалентность* и *адекватность* нет чёткого разграничения, но сам *адекватный* (*эквивалентный*) перевод он считает единственно возможным и говорит о недопустимости как буквального, так и вольного перевода. Первый из них он определяет как перевод, «осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ», а второй – как «осуществлённый на более высоком», чем необходимо, уровне [8, с. 186-187].

Переводчику необходимо точно понимать, в чём заключается *эквивалентность* и *адекватность* и, соответственно, что должно быть непременно сохранено при переводе. В нашем исследовании мы проводим анализ реализации данных категорий в переводах метафорических единиц прозы Дж. Стейнбека. Поскольку исследование осуществляется в свете когнитивно-дискурсивного подхода, то языковая личность Дж. Стейнбека воспринимается нами как носитель и хранитель культуры народа, коллективного языкового сознания. Концептосфера, индивидуальное языковое сознание Дж. Стейнбека представляются нам многомерными смысловыми образованиями, являющимися точками пересечения его ментального мира и мира культуры. Всё это позволяет нам рассматривать тексты Дж. Стейнбека в коммуникативной ситуации и, следовательно, исследовать их в аспекте дискурса. Метафорические единицы в произведениях Дж. Стейнбека мы воспринимаем как концепты, представляющие собой фрагменты жизненного опыта Дж. Стейнбека, неизбежно связанные с его переживаниями и фиксирующими его личностный опыт, а также рефлексивную деятельность по отношению к нему.

Так, проводя сравнительно-сопоставительный анализ двух фрагментов перевода рассказа Дж. Стейнбека «Вожак», выполнен-

ного М. Заготом, задаёмся вопросами о том, насколько правильно и точно в переводе отражена языковая личность автора и его мировоззренческая позиция относительно агрессивности человека и его разрушительного воздействия как на природу, так и на самого себя, насколько точно отражено восприятие Дж. Стейнбеком природы как живой и разумно устроенной, гармонизирующей все силы. Другими словами, нас интересует степень адекватности и эквивалентности перевода (*метафоры выделены жирным шрифтом нами.* – П.Е.):

1) **The wind sang on the hilltops and the puffball clouds hurried eastward** [7, p. 234].

Ветер пел на вершинах холмов, **дымчатые клубочки облаков быстро неслись** на восток [3, с. 546].

2) **Westering has died out of people. Westering isn't a hunger any more. It's all done** [7, p. 248].

Движение на запад умерло из-за людей. Запад их **больше не манит.** С этим покончено [3, с. 556].

Несомненно, что в первом примере просматривается достаточно полная *эквивалентность* и *адекватность* в передаче на русский язык метафорических единиц, позволяющая сохранить и образность, и отношение автора. Однако во втором примере смысловые акценты несколько смещаются и вместо перевода «Стремление осваивать запад умерло в людях», подчёркивающее, что потеря интереса к освоению новых территорий произошла сама собой, М. Загот вносит свою интерпретацию мысли Дж. Стейнбека, прибавив некоторый оттенок обвинения человека, добавляя ему ответственности. Концептуальность второй метафоры «Westering isn't a hunger» сглажена в переводе, и смысловые акценты сдвинуты. Вместо значения «освоение Запада – голод, сильное желание» читатель воспринимает данную метафору как отражение навязываемых человеку действий, чувств, реагирования. В переводе «Запад их больше не манит» не передаётся весь спектр значений слова «hunger», которое имеет не только прямое значение – «голод», но и переносное

– «жажда» [5, p. 857], что прямо указывает на желание, исходящее от *самого* человека, а не навязываемое ему. С точки зрения *адекватности* перевода мы считаем возможным предложить свой вариант перевода метафоры «Westering isn't a hunger» – «К движению на Запад пропала охота».

Я.И. Рецкер, говоря о проблеме *эквивалентности*, указывал на обязанность переводчика действовать не только дедуктивными методами, но и прибегать к анализу языковых средств подлинника, чтобы передать не только то, *что* сказано в оригинале, но и *как* это сказано. «Если исходить только из целого, действуя методом дедукции, то не может быть и речи о равноценности каждого средства, избранного переводчиком для передачи содержания и формы в переводе» [13, с. 18]. Мы присоединяемся к данной точке зрения и считаем, что сохранение эмоционального компонента, являющегося одной из характеристик идиостиля Дж. Стейнбека, чрезвычайно важно для переводчика. Следующий пример демонстрирует то, как переводчику удалось выполнить эту трудную задачу (*метафоры выделены жирным шрифтом нами*. – П.Е.):

Kino stood in the door, filling it, and **hatred raged and flamed in back of his eyes**, and fear too, for **the hundreds of years of subjugation were cut deep in him** [6, p. 50].

Кино стоял на пороге, загораживая плечами вход в хижину, и **ненависть бушевала в его глазах** – ненависть и страх, ибо **вековая покорность глубоко сидела в нём** [4, с. 28].

В данном отрывке переводчику удалось сохранить ощущение переполненности главного героя такой сильной эмоцией, как ненависть, при помощи одного из значений глагола «to rage» – «бушевать, свирепствовать» [1, с. 577]. А найденный переводчиком Н. Волжиной эквивалент выражения «the hundreds of years of subjugation» – «вековая покорность» – вызывает у русского читателя ассоциации с покорностью, которая является действительно «многолетней, очень старой» [2, с. 84]. Таким образом, переводчику удалось найти точку соприкосновения языковой картины

мира Дж. Стейнбека с языковой картиной мира русского читателя и адекватно передать эмоциональную модальность *сильнейшего гнева, копившегося долгое время*.

Современный подход к проблеме *адекватности* и *эквивалентности* ставит перед переводчиком задачу учитывать, что перевод, полностью *эквивалентный* оригиналу, не всегда отвечает требованиям *адекватности*. И наоборот, выполненный *адекватно* перевод не всегда строится на отношении полной *эквивалентности* между исходным и конечным текстами [14, с. 90-91]. Например, в следующем отрывке из повести Дж. Стейнбека «Жемчужина» переводчику удалось *адекватно* передать содержание и эмоциональный настрой исходного текста, хотя он не является абсолютно *эквивалентным* (*метафоры выделены жирным шрифтом нами*. – П.Е.):

He felt cloth, struck at it with his knife missed, and struck again and felt his knife go through cloth, and then **his head crashed with lightning and exploded with pain** [6, p. 58].

Он нащупал рукой мягкость ткани, ударил ножом, промахнулся, снова ударил, почувствовал, что нож распорол ткань, и тут **мозг ему пронзило молнией, и его обожгло взрывом боли** [4, с. 35].

Состояние внезапной и резкой боли, которое возникает от удара по голове Дж. Стейнбек передаёт при помощи метафоры «his head crashed with lightning and exploded with pain» («в его голову с грохотом ворвалась молния, взорвав её болью») (*перевод наш*. – П.Е.). У читателя перевода должно возникнуть метафорическое представление о голове как о некоем сосуде, в который с грохотом и шумом врывается молния (данная интерпретация основана на значении глагола «to crash» – ‘с грохотом разрушать’; ‘ворваться с грохотом, шумом’ [1, с. 567]). Данная задача вполне адекватно решена переводчиком, так как выражение «мозг ему пронзило молнией» вызывает именно такие образы. Вторая метафора «his head exploded with pain» **представляет** несомненную трудность для перевода, так как буквальный перевод «его голова взорвалась болью» был бы непонятен и лишён эмоцио-

нальной окраски молниеносного и резкого приступа боли. Поэтому найденное переводчиком выражение «его обожгло взрывом боли» вполне эквивалентно значению метафоры «his head exploded with pain». Однако созданный Дж. Стейнбеком образ передаёт ощущения самого героя, который, не ожидая удара по голове, ощутил, что его голова *разрушилась, взорвалась*, что в переводе представлено действием, имеющим другое направление – «мозг ему *пронзило*». Данное обстоятельство позволяет нам говорить о не вполне эквивалентном переводе данной метафоры.

Тот факт, что восприятие концептосферы автора текста одним переводчиком отличается от восприятия другого, нашёл отражение в категории *переводной множественности*, которая получила чёткие очертания в переводе лишь во второй половине XX в. Данная проблема волновала исследователей на протяжении нескольких десятилетий. А.В. Фёдоров одним из первых отметил, что «одно и то же произведение может существовать в нескольких переводах, хотя бы и разного художественного достоинства, но всё же различных, и каждый из этих переводов может быть по-своему законным» [15, с. 127]. После него проблему переводной множественности освещал В.Е. Шор, который одним из первых употребил в этом контексте слово «множественность» [16, с. 48].

Существование разных переводов одного и того же произведения означает, что читателю оригинал предоставляется в разных аспектах. С выходом каждого нового перевода образ оригинала в представлении читателя невольно становится всё более размытым, хотя, на первый взгляд, большой выбор переводов может восприниматься как достоинство.

По мнению Ю.М. Лотмана, «самый факт возможности многократного художественного перевода одного и того же стихотворения различными переводчиками свидетельствует о том, что вместо точного соответствия тексту T_1 в этом случае сопоставлено некоторое пространство. Любой из заполняющих его

текстов $t_1, t_2, t_3 \dots t_n$ будет возможной интерпретацией исходного текста. Вместо точного соответствия – одна из возможных интерпретаций, вместо симметричного преобразования – асимметричное, вместо тождества элементов, составляющих T_1 и T_2 , – условная их эквивалентность» [11, с. 158]. Исследователь считает, что перед переводчиком, когда он приступает к переводу, возникает необходимость сделать выбор, причём такой выбор становится приёмом переводчика, что не может не увести создаваемый им текст от оригинала. Рассматривая возникающий при переводе текст как новый, а создающий его акт перевода – как творческий, Ю.М. Лотман считает, что при адекватной передаче текста в процессе художественного перевода «передающий и принимающий пользуются различными кодами K_1 и K_2 , пересекающимися, но не идентичными» [11, с. 159]. Таким образом, становится понятно, что при обратном переводе получится не исходный, а некоторый третий текст T_3 . Данный вывод мы проиллюстрируем примером перевода метафоры из повести Дж. Стейнбека «Жемчужина» (*метафоры выделены жирным шрифтом нами – П. Е.*):

But Kino's hand had closed tightly on the pearl again, and he was glancing about suspiciously, for the **evil song was in his ears, shrilling against the music of the pearl** [6, p. 48].

Но пальцы Кино снова сомкнулись вокруг жемчужины, и он подозрительно посмотрел по сторонам, потому что **недобрая песнь снова зазвучала у него в ушах, зазвучала пронзительно, приглушая мелодию жемчужины** [4, с. 27].

Пользуясь терминологией Ю.М. Лотмана, можно сказать, что в данном переводе Н. Волжина использовала свой собственный код, сделав выбор в пользу метода трансформации, добавив к значению глагола «shrill» ('звучать резко, пронзительно'; 'пронзительно кричать, визжать' [1, с. 822]) значение 'заглушать другой звук'. Соответственно, при обратном переводе это повлечёт добавление смысла и возникнет не исходный текст Дж. Стейнбека, а некий третий текст.

То, что при *переводной множественности* зона выбора носит расширенный характер, приводит к *относительности идентичности* исходного и переводного текстов, но вместе с тем это даёт богатый эмпирический материал для осуществления новых переводов данного текста. Так, переводя приведённую выше метафору, другой переводчик воспользуется своим собственным кодом и в результате получит ещё один текст перевода. Всё это подтверждает мнение Ю.М. Лотмана, что передающий код в реальном процессе циркуляции сообщений является не единичным, а составляет «некоторое множественное пространство кодов k_1, k_2, \dots, k_n , каждый из которых – сложное иерархическое устройство и допускает порождение некоторого множества текстов, в равной мере ему соответствующих» [11, с. 159].

Каждый оригинал обладает особым семантическим статусом, который очень трудно повторить на других языках. Тексты переводов одного и того же художественного произведения могут быть полностью тождественны, а могут и являться отдалённым подобием. Из этого следует, что при всём многообразии переводов самыми малопопулярными окажутся те переводы, где присутствуют отдельные смысловые элементы, которые не имеют семантических эквивалентов ни в оригинале, ни в других переводах, что доказывает высокий статус категории *переводная множественность* в современном переводоведении.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА:

1. Большой англо-русский словарь АBBYY Lingvo. В 2 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – XVI. – 1365 с.; 1376 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2003. – 944 с.
3. Стейнбек Дж. Рыжий пони; Подарок / Перевод Н. Волжиной; Великие горы; Обещание; Вожак / Перевод М. Загота // Стейнбек Дж. Собрание сочинений в шести томах. – Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 485-556.
4. Стейнбек Дж. Жемчужина / Перевод Н. Волжиной // Стейнбек Дж. Собрание сочинений в шести томах. – Т. 4. – М.: Правда, 1989. – С. 5-74.
5. OxfordAdvancedLearner'sDictionary/A.S. Hornby. – Oxford University Press, 2005. – 1539 p.
6. Steinbeck J. The Pearl. – Essex, Harlow: Longman, 2000. – 133 p.
7. Steinbeck J. The Red Pony and other stories. – М.: Raduga Publishers, 2002. – 269 p.

ЛИТЕРАТУРА:

8. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
10. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода / Предисл. М.Я. Цвиллинга. – Изд. 2-е, доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.
11. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2004. – 704 с.
12. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 318 с.
13. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р. Валент, 2007. – 240 с.
14. Семенова Н.В. Когнитивный аспект представления подтекстовой информации в переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2000. – 26 с.
15. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: Лингвистические проблемы: Учебное пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
16. Шор В. Из истории советского перевода (Стефан Цвейг на русском языке) // Тетради переводчика. – Вып. 5. – М.: Международные отношения, 1968. – С. 53-75.